

ДВА КУСОЧКА САХАРА ДЛЯ СЕРПОЛЕТТЫ

Юбилей Московской битвы отметят не только ветераны-фронтовики, но и люди совсем не военных профессий. В их числе артисты. Конечно же, вспомнят дни обороны столицы и в Музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко — единственном театре, который оставался в Москве в самое тяжелое время октября-декабря 1941-го. Он был переведен на положение фронтового, регулярно играл спектакли и даже выпускал премьеры.

ХРОНИКА 41-ГО ГОДА

16 — 19 октября Отменены спектакли «Прекрасная Елена» и «Севильский цирюльник». Идет подготовка к эвакуации в Ашхабад, куда уже отправлены декорации и костюмы нескольких спектаклей. В Ашхабад выехал директор-распорядитель театра И. М. Шлуглейт, чтобы готовиться к встрече коллектива.

По распоряжению директора театра Иосифа Михайловича Туманова все пришли с уложенными чемоданами — в любую минуту могли дать машины, чтобы съехать на вокзал. Но никто не верит, что Москву сдадут врагу.

В зрительном зале стихийно начинается незапланированное собрание. Решили обратиться с просьбой в правительство — оставить театр в Москве! Но для этого надо было отменить уже принятое решение об эвакуации. Сформировали инициативную группу, в которую вошли: И. М. Туманов, ведущие артисты Н. Ф. Кемарская, М. Л. Мельтцер, С. А. Ценин, Т. М. Бушуев, артист балета, парторг театра А. Р. Томский. Эта группа добилась приема у заместителя председателя Совета Народных Комиссаров СССР Алексея Николаевича Косыгина.

Рассказ Надежды Федоровны Кемарской «Алексей Николаевич, несмотря на усталость, выглядел очень хорошо. Он был совсем молодым человеком (в 1941 году вице-премьер СССР было 30 лет — И. К.). Чувствовалось, что он обрадовался редкой возможности пообщаться с артистами. Больше всего он разговаривал со мной и Мельтцер. А мы, конечно, подготовились к этой встрече, приобидели. Алексей Николаевич

Санитарная дружина театра во главе с солисткой оперы Антониной Кузнецовой.

хорошо знал наш театр. Вспомнил, как был на «Прекрасной Елене». Это был тогда очень модный в Москве спектакль.

При нас Косыгин попросил помощника соединить с Комитетом по делам искусств. Мы поняли, что остаемся в Москве. Сразу же помчались в театр.

На наших лицах нетрудно было догадаться, что мы никуда не едем. Стали решать, каким спектаклем открываться. Решили опереттой Планкета «Корневильские колокола». Тут же на огромном фанерном щите наши художники написали объявление:

1941 год. 19 октября
Р. Планкет
КОРНЕВИЛЬСКИЕ КОЛОКОЛА
Начало в 12 часов дня

Когда москвичи увидели нашу рекламу, увидели, что в кассе продаются билеты, многие плакали от радости. Если открывается театр, значит, положение Москвы не такое тяжелое, значит, она не будет сдавать врагу. В 41-м году по Пушкинской улице еще ходили трамваи. Так их водители специально у нашего театра снижали скорость, чтобы все могли прочитать, что мы открываемся.

19 октября в «Корневильских колоколах» я играла главную роль — Серполетту. В зале было много военных. Конечно же, спектакль шел с редким подъемом. В антракте мне передали записку от зрителей. В ней было всего одно слово: «Спасибо!» и два кусочка сахара. Когда я развернула записку, слезы так и брызнули из глаз».

20 октября

С этого дня в Москве ввели осадное положение.

Спектакли играли днем. В театр большими группами привозили солдат. В дирекции установили связь с командованием. Бывали случаи, что во время спектакля красноармейцы уезжали на фронт.

25 октября

Первая военная премьера — балет «Штраусиана».

О том, как готовился этот спектакль, рассказывает его участник — артист балета Анатолий Тольский. Несмотря на почтенный возраст, Анатолий Сергеевич и сегодня часто приходит в театр, он председатель совета ветеранов балета.

«Наше здание едва отапливалось. И, конечно же, старались пускать тепло в зрительскую часть. В балетном классе и на сцене был страшный холод. Питание было крайне скудным. Не раз наши балерины падали в обморок от голода. Но «Штраусиана» нас всех очень вдохновляла. Мы старались порадовать зрителей».

Постановщик спектакля Владимир Павлович Бурмейстер умело соединил лирические сцены с юмористическими и даже гротесковыми эпизодами. Танцевала замечательные артисты: Мария Сорокина, Александр Клейн, Виктория Урусова...

По утрам мы слушали радио. Так вот, вместе с сообщениями о положении на фронтах не раз говорили о нашей премьере, о «Штраусиане»!

Эти сообщения задевали немцы. И уже немецкое вещание на Москву обрушилось на наш театр. Но, к счастью, ни одна бомба не попала в театр».

28 октября

Из-за воздушной тревоги прерван спектакль «Евгений Онегин». Сиг-

нал тревоги прозвучал во время «Ларинского бала».

Так как в театре не слышны были сигналы воздушной тревоги, на пульте дирижера установили специальную лампочку, если она мигала три раза, спектакль останавливался — тревога! Артисты и работники театра провожали зрителей в ближайшее бомбоубежище, которое находилось в большом жилом доме по Глинкинскому переулку, 5/7.

Почти ежедневно артисты выступали с концертами в госпиталях. Солисты оперы регулярно выступали на радио. Особенно часто в эфир звучал голос Тамары Федоровны Янко. Именно Тамара Янко была первой исполнительницей песни Матвея Блантера «Катюша».

С октября 41-го года бригады Музыкального театра стали выезжать на фронт с концертами. Нескольким раз выезжал в составе бригад артист оркестра трубач Петр Майоров. Аккомпанировал пещам дирижер В. А. Эдельман, который играл на небольшой фисгармонии — флюйте.

Во время одной из поездок на фронт погибли солист оперы заслуженный артист РСФСР М. С. Кузьмин и концертмейстер Ф. А. Гуляев.

2 ноября

На спектакль «Евгений Онегин» прислали съёмочная группа кинохроники. Оператор Михаил Шнейдер сним сюжет о работе театра. Зал был полностью заполнен красноармейцами. Копия этого сюжета хранится в Музыкальном театре.

9 ноября

Спектакль «Корневильские колокола» не смогли доиграть из-за воздушной тревоги.

18 ноября

«Риголетто» прерван воздушной тревогой во время второго акта. Спектакль перенесли на 19 ноября. Но и 19-го не смогли сыграть из-за воздушной тревоги.

В ноябре-декабре 41-го в Москве стояли страшные морозы. Музыканты оркестра сидели в верхней одежде, в пухах, пальто. Чтобы согреть руки, надевали перчатки с обрезанными пальцами. И тогда по инициативе фаготиста Иосифа Гурбера, который был хорошим портным, сшили стеганную униформу цвета хаки.

30 ноября

«Корневильские колокола» прерваны воздушной тревогой. Это был последний спектакль, который состоялся налет немецкой авиации.

12 декабря

На здании театра вывешено сообщение Совинформбюро:

«6 декабря 1941 года войска нашего Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в наступление против его ударных фланговых группировок. В результате начатого наступления обе группировки врага разбиты и поспешно отходят, бросая технику, вооружение и неся огромные потери...

Наступление советских войск продолжается!»

21 декабря

Премьера спектакля-концерта «Господин русского народа».

22 декабря

Сбор спектакля «Перикол» передан в Наркомат обороны на подготовку танковой колонны.

31 декабря

Играли «Периколу». Всем коллективом встречали Новый год. Первый тост — «За Победу!»

Всего за годы войны Музыкальный театр дал 60 шефских спектаклей для воинов Красной Армии. 770 концертов провели фронтовые бригады театра. 270 концертов состоялось в госпиталях. В Фонд обороны перечислено 518 тысяч 704 рубля.

Артистам и работникам театра, которые трудились в октябре-декабре 1941 года, были вручены медали «За оборону Москвы».

А завершить эту хронику мне хочется рассказом еще об одной судьбе. С фронта в театр вернулся гобойст Георгий Этингфог. Поскольку ему оторвали пальцы правой руки. Думалось, что с музыкой покончено. Но Этингфог поступил в Музыкальное училище по классу валторны, и уже через год снова стал играть в оркестре (при игре на валторне правая рука находится в растрепе и можно обходиться без помощи пальцев).

Подготовил
Игорь КАЗЕНИН,
завил Музыкального театра
имени Станиславского и
Немировича-Данченко

Оформил
Игорь Казенин
и
Немировича-Данченко

20.10.2021